

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

В брюхе Дугласа ночью скитался меж туч
и на звезды глядел,
и в кармане моем заблудившийся ключ
все звенел не у дел,
и по сетке скакал надо мной виноград,
акробат от тоски;
был далек от меня мой родной Ленинград,
и все ближе — пески.

Бессеребряной сталью мерцало крыло,
приближаясь к луне,
и чучмека в папахе рвало, и текло
это под ноги мне.
Бился льдинкой в стакане мой мозг в забытыи.
Над одною шестой
в небо ввинчивал с грохотом нимбы свои
двухголовый святой.

Я бежал от судьбы, из-под низких небес,
от распластанных дней,
из квартир, где я умер и где я воскрес
из чужих простыней;
от сжимавших рассудок махровым венцом
откровений, от рук,
припадал я к которым и выпал лицом
из которых на Юг.

Счастье этой земли, что взаправду кругла,
что зрачок не берет
из угла, куда загнан, свободы угла,
но и наоборот:
что в кошащем мешке у пространства хитро
прогрызаешь дыру,
чтобы слез европейских сушить серебро
на азийском ветру.

Что на свете — верней, на огромной вельми,
на одной из шести —

что мне делать еще, как не хлопать дверьми
да ключами трясти!

Ибо вправду честней, чем делить наш ничей
круглый мир на двоих,
променять всю безрадостность дней и ночей
на безадресность их.

Дуй же в крылья мои не за совесть и страх,
но за совесть и стыд.
Захлебнусь ли в песках, разобьюсь ли в горах
или Бог пощадит —
всё едино, как сбившийся в строчку петит
смертной памяти для:
мегалополис туч гражданина ль почитит,
отщепенца ль — земля.

Но услышишь, когда не найдешь меня ты
днем при свете огня,
как в Быково на старте грохочут винты:
это — помнят меня
зеркала всех радаров, прожекторов, лик
мой хранящих внутри;
и — внехрамовый хор — из динамика крик
грянет медью: Смотри!
Там летит человек! не грусти! улыбнись!
Он тарачится вниз
и сжимает в руке виноградную кисть,
точно бог Дионис.